

А. М. ХАВАНСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ИМЕНИ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»

Анализируя значение имен персонажей романа «Зеленый шатер», автор статьи выявляет особенности концептуализации повествования в прозе Л. Улицкой.

Ключевые слова: поэтика антропонимии, проза Л. Улицкой, концептуализация, «говорящие» прозвища, авторский замысел.

Последний на сегодняшний день по времени выхода роман Л. Улицкой, как и большинство других ее книг, вызвал горячее обсуждение в кругу критиков и рядовых блоггеров. Его восприняли как «книгу о диссидентах» (Н. Иванова, Л. Данилкин), «идеологический» текст (Т. Григорьева), «роман о советской истории» (М. Савельева) [1]. Отнюдь не оспаривая высказанные суждения, подчеркнем: это произведение о времени, об истории, о диссидентах, о памяти, и дружбе, о непостижимой власти музыки и литературы, о любви, о человеке как таковом.

Как справедливо отмечает И. Захариева, «проза Людмилы Улицкой по своему характеру антропологична» [2]. Внимание ее устремлено на человеческие натуры, порожденные временем, на развитие человека в диалоге с эпохой; именно так просматриваются линии судеб главных персонажей – каждого в отдельности. При этом имена героев выступают важным, конструирующим образом средством поэтики. В частности, и в новом романе «Зеленый шатер» заметна тесная связь символики имени с концептуализацией образа персонажа в сюжетной сфере повествования.

Автор монографии «Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна» Н. Г. Бабенко проследит развитие классических принципов антропонимии в современной прозе: «Русская литература имеет богатейшую традицию использования личных имен в качестве средства выражения концептуальных смыслов произведения, и современные литераторы творчески осваивают и развивают классическую поэтику антропонимии» [3]. У таких авторов, как А. Битов, А. Боссарт, Ю. Буйда, В. Норбеков, В. Пелевин, В. Попов, Т. Толстая, Л. Улицкая, М. Шишкин, нередко встречаются герои с «говорящими» именами.

Сюжетный центр «Зеленого шатра» составляют истории жизни троих школьных друзей и их учителя Виктора Юльевича – личности, оказавшей огромное влияние на формирование их характеров. Мальчишек зовут Илья, Саня, Миха.

Имя Илья древнееврейского происхождения, означает «крепость Господня» [4]. «Илья вскоре после окончания школы первым из их выпуска осознал, что не хочет работать на государство ни с девяти до пяти, ни с восьми до восьми, ни в режиме “сутки – трое”, а также не хочет учиться ни в каком учебном заведении, потому что все, что ему было интересно, он мог узнать без дисциплинарной муштры и насилия... Самый верный путь – фиктивный наем в секретари к ученым и

писателям. Редкий, почти эксклюзивный вариант, который и обеспечивал Илье относительную независимость от государства» [5].

Миху Меламида звали Михей Матвеевич. Михей (сокр. от Михаил) – «кто подобен Богу, кто равен Богу». Символика имени также раскрывает сюжетную функцию героя. Все называют Михея не полным, а уменьшительно-ласкательным вариантом имени. Миха от природы наделен сверхчувствительностью, способностью любить ближнего, разносторонними дарованиями. Он не смог преодолеть страданий, ушел из жизни, не сумев «спасти душу», но именно в этом персонаже «Зеленого шатра» наиболее прочно сочетаются стойкость, бесстрашие и сострадание к людям.

Еще в детстве «Жалость огромного размера, превышающая Михину голову, и сердце, и все тело, накрыла его, и это была жалость ко всем людям, и плохим, и хорошим» (с. 39). «Обнаженность сердца» сквозит и в его наивных стихах, и в жизненных поступках. Вопрос о творческих способностях автор комментирует: «С Михой было сложнее. Талантов на первый взгляд не было, но были хорошие способности: к поэзии, к музыке, к рисованию. Настоящий его талант, полученный им от рождения, невооруженным глазом был не виден. Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой “всемирной жалости”» (с. 449). Гибель Михи связана с его стремлением «первый раз в жизни совершить поступок взрослого человека. Освободиться от собственной нелепости, несамостоятельности» – не бежать за границу, спасаясь от угрозы быть взятым КГБ, а ценою смерти вырваться из оков тоталитарного бытия: «Снял ботинки, чтобы не оставлять грязных отпечатков подошв, вспрыгнул на подоконник, едва на него опершись. Пробормотал: “Имаго, имаго!” и легко спрыгнул вниз <...> Улетает крылатое существо, оставляя на земле хитиновую скорлупку, пустой гроб летящего, и новый воздух наполняет его новые легкие, и новая музыка звучит в его новом, совершенном органе слуха» (с. 583). Вопреки уверениям повествователя в том, что это был «неверующий поэт», предсмертные мысли («хорошо, что еще не исполнилось тридцать четыре» – возраст Христа) и последнее стихотворение Михи содержат духовный призыв: «Друзья, молитесь за меня».

Третьего друга все привычно зовут Саней, а не полным именем Александр. Музыкально одарен-

ный, он воспринимает мир как грязную камеру, грубо ограничивающую человека везде, «где есть только гармония музыки». Имя, можно сказать, антонимично характеру. Александр в переводе с греческого «мужественная защита», но герой отрицает, а не защищает окружающий мир. Ему хочется представить все простым, как семь нот: «Скучноватое детское сольфеджио обернулось увлекательной наукой об устройстве музыки. Несколькими годами позже Саня будет уверен – об устройстве самого мира рассказывало тогда сольфеджио простенькими словами, в самом первом приближении» (с. 251).

Для трех мальчиков время становления личности совпало с эпохой бардов (Галич, Высоцкий, Окуджава и др.), у которых рождались новые звуки и новые смыслы. Немаловажно и то, что у Сани была большая тяга к классической музыке.

В начале романа Улицкая через систему имен и прозвищ проводит мысль о том, что миру глубоких сложных чувствований и личностных переживаний противостоит мир примитивный и бездарный. Он воплощен в образах Мурыгина и Мутюкина. Фамилии этих типических персонажей, практически, заменяют имена: сам принцип номинации подчеркивает их принадлежность к примитивным, духовно неразвитым кланам, питавшим среду, из которой исходила «классовая ненависть» к «низкосортным слабакам», замешанная по большей части на зависти: «Низкосортные очкарики и слабаки здорово учатся, а Мутюкин с Мурыгиным еле тянут. Конфликт, который взрослые люди назвали бы социальным, обострялся, приобретал более осознанный характер, по крайней мере, со стороны притесняемого “меньшинства”. Именно тогда Илья впервые ввел термин, который сохранился в их компании на долгие годы, – “мутюки и мурыги”. Это был почти синоним знаменитым “совкам” более позднего времени, но прелесть была в его рукотворности» (с. 17).

Думаем, эта лингвистическая загадка-шарада, которую из всех присутствовавших на празднике мог разгадать только Илья, введена в сюжет неслучайно. Друзьям пришлось заплатить за свою незаурядность, расстаться с мечтами о творческой судьбе. Саня не стал музыкантом, Миха – поэтом.

Чтобы держать всех «в страхе и беспокойстве и постоянно напоминать, кто здесь главный: очкарик, музыкант, еврей или “нормальные ребята”», Мутюкин и Мурыгин регулярно «метелили слабаков». В одной из драк, когда пошли в ход не только снежки, но и перочинный нож Мутюкина, оказалось серьезно повреждено сухожилие на руке Сани. Подвижность пальцев восстановить было нельзя, и мальчик забросил занятия в музыкальной школе.

Игра в шарарды – знаковый эпизод из детства героев – акцентирует резкое разделение по уровню личностного развития. Такого же рода номи-

нацию можно подтвердить и символикой женских имен в романе. Галя Полухина по прозвищу Полушка (полушка – «мелкая монетка», Галина – греч. «тихая») «училась как всегда плохонько» и с малолетства завидовала своим более способным подругам – прямой и смелой Ольге, талантливой и яркой «легкой отличнице» Тамаре.

Когда Галя Полухина стала заниматься в секции гимнастики, у нее обнаружился свой талант – спортивный, однако из-за травмы ей не удалось попасть в сборную страны и стать знаменитой спортсменкой. После серьезной операции девушка должна была довольствоваться должностью машинистки в деканате родного института, подрабатывать перепечаткой рукописей на машинке. Через руки машинистки проходило многое, в том числе и самиздат вроде солженицынского «ГУЛАГа». Жизнь случайной (или не случайно?) преподнесла Полушке дорогой подарок: ее статус вдруг резко повысился, когда она стала женой Геннадия – сотрудника внешнего наблюдения КГБ, которого «подопечные» прозвали Грызун.

Несомненно, Грызун – говорящее прозвище, как и фамилия допрашивавшего Миху капитана КГБ. Он назван Сафьяновым (сафьян – особого вида выделки козловая кожа, употребляемая для изготовления сапог).

У создательницы «Зеленого шатра» нет пощады по отношению к тем, кто лишен высокого интеллекта и творческого потенциала, кто способен на зависть, слежку, доносительство. Таким образом, поэтику имени в романе можно причислить к текстовым доминантам, которые несут общий концептуальный смысл и позволяют раскрыть авторский замысел.

Литература и примечания

1. Иванова Н. «Самодонос интеллигенции» и время кавычек // Знамя. 2011. № 7. С. 73; Данилкин Л. Трагикомический роман о диссидентах. URL: <http://www.afisha.ru/book/1764/review/359431>; Григорьева Т. Людмила Улицкая. «Зеленый шатер». URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/20064?expand=yes#expand>; Савельева М. Маленькие человечки (Людмила Улицкая. Зеленый шатер) // Октябрь. 2011. № 5. С. 87.
2. Захариева И. Потаенное духовное бытие в советской метрополии периода 1950–1980-х годов (Л. Улицкая, роман «Зеленый шатер») URL: http://liternet.bg/publish23/i_zaharieva/liudmila-ulickaia.htm
3. Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодернизма. М., 2010. С. 228.
4. Здесь и далее значение имен даем по кн.: Толкователь имен святых угодников Божьих / сост. В. Близнак. СПб., 1990.
5. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер. М., 2012. С. 480–481. Далее роман цитируем по этому изданию (в скобках указываются страницы).

A. M. KHAVANSKAYA. PECULIARITIES OF THE NAME POETICS IN L. ULITSKAYA'S NOVEL «GREEN MARQUEE»

Analyzing the meanings of the characters' names in L. Ulitskaya's novel «Green marquee», the author of the article reveals the peculiarities of the narration conceptualization in L. Ulitskaya's prose.

Key words: poetics of anthroponymy, L. Ulitskaya's prose, conceptualization, «meaningful» bynames, author's idea.